

84 (РРос = Рус) 6
К Е 96

*Георгий
ЕШИМОВ*

**ДИКАЯ
ВИШНЯ**





Георгий
ЕШИМОВ

ДИКАЯ ВИШНЯ

Стихи

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

обязательный
экз
ХМАО

Москва
2000 г.

- 70097 -

К ББК-84(2Рос.-Рус.)6
Е-36

Георгий ЕШИМОВ. Дикая вишня. Стихи. М., «Московский Парнас», 2000, 64 стр.

«Дикая вишня» — вторая столичная книжка сургутского поэта Георгия ЕШИМОВА. Впрочем, почему сургутского?! В его стихах образно и полно присутствуют сухая знойная пустыня и туманная холодная Балтика, разгульный донской край и неоглядная таежная синь...

Чувство семьи единой, как ощущение земли единой — от Карпат до Курил, от степной выжженной солнцем Таврии до красных черепичных крыш Таллина, — еще не выветрилось и уже вряд ли остынет в душе романтика сердцем, первопроходца по призванию... Так что — просто русского писателя и художника.

Впрочем, он смотрит на вещи философски, чуть-чуть иронично, как и полагается истинному поэту...

Леонид ХАНБЕКОВ

ISBN 5-7330-0053-97

© Георгий Ешимов. Стихи

ЦЕПЬ



ОТКРЫТИЕ

Пожертвуйте позой надменной,
Закладку рукой теребя:
По листику в день, постепенно,
Откройте меня для себя.

И пусть от ошибок хранит вас
Мелодий прочитанных дух...
Откройте мой пыл и ранимость,
И к вам я — влюбленный — приду

По ветхозаветной дороге,
Потертою лирой звеня,
И стану на вашем пороге —
Откройте себя для меня.

* * *

Унесут
Облака бесконечные ливни,
Прилечу,
Темной ночью погромче окликни.
Белокрылой
Свободолюбивою чайкой
Поклонюсь
Красоте твоей необычайной.

Ах, Сургут,
У меня нет надежней причала,
Твой привет
Мне речная волна прокричала,
И любимая
Машет навстречу косынкой,
И сверкает
Улыбка рассветной росинкой.

Над рекой
Меж домов золоченые храмы,
Смотрят
В белую ночь площадей панорамы.
И мосты
К северам протянулись упрямо,
И меня
Ожидает усталая мама.

ТЮМЕНЬ

На перепутье трех дорог
Спиной прижала древний Камень,
На копошащийся Восток
Сверкаешь черными сосками...

Спокоен азиатский лик —
Раскоса улиц симметричность,
В прохладе сквера солнца блик
Рассеял прошлую трагичность.

Люблю очей твоих оклад —
Узорны окон архаизмы,
Неизменяемый, как уклад
Сибирской постепенной жизни.

РЕЧКИ

Тихие речки
России печальной моей,
Что вам огромные волны
Далеких морей?
Вам заменяет
Русалок ночной хоровод
Крупные брызги
Штормами вздымаемых вод.
Лилий цветущих
Белы и туги паруса,
Яхонты блещут —
С кувшинок рассветных роса.
Омуты тянут нырнуть —
Их таинственна тьма,
Плесь просторные
Сводят мальчишек с ума.

ВСТРЕЧА

Не люблю говорить —
Берендей заявил
Задушевно...
Не люблю говорить —
Прошептала мне
Прядь ветерка,
И вздохнула река
На просторе
Волною напевной,
И слезою размытая
Память речного песка.

Где мой солнечный брат?
Может, он объяснить
Мне сумеет
Пируэты сибирской
Разлившейся рыжей реки...
А русалка молчит,
Холодком её волосы веют,
Изучает простор
Из-под белой
Лебяжьей руки...

* * *

От Сургута до Ханты-Мансийска
«Метеор» очарованный мчит,
В лобовые оконца искристо
Изумрудное солнце летит.

С темноспинными рыбами спорят
Крылья судна в прозрачной воде,
А прибрежные тальники вторят
Учащенной поршней чехарде.

Дебаркадер волною качает,
Брызжет радугой водная дробь,
И взволнованно Мисне взирает
На Иртыш, догоняющий Обь.

ЦЕПЬ

От росичей, кривичей
Горстью, песчинкой,
Костями безымянных бойцов,
Земля возникала,
Вставала отчизной
С овальным славянским лицом.

Чернобыля гром
Подхватили зарницы —
Разорвана древняя цепь,
Расколот народ,
Меж родными — границы, —
Язвы на чистом лице.

И горе не меряно
Сирым и слабым,
Единства утратившим нить...
Над Новгород-Северским
Плач Ярославны,
И раненый ангел летит.

ТАЛЛИНН

В тихом парке Кадриорге
Собираются русалки.
Голосов игривый шелест
Обаятелен и чист.
Им, над волнами взметаясь,
Плача, подпевают чайки,
Дирижером хору служит
Старый Томас — трубочист.

Знаешь, Вайке, в этот город
За тобой и я летаю
Мимо ратуши высокой
Над коньками красных крыш.
Рядом с Томасом со шпеля
Я стихи тебе читаю.
Но горька твоя улыбка,
Ты — печальная — молчишь.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Мы любимых топили своих...
На курганы орудия тропами
Вознесли. И лишь с помощью их
Отстояли врата Севастополя...

Но достались те пушки врагу
Контрибуции тяжкою ношею...
А венки на морском берегу —
Это память о доблести прошлого.

До сих пор в этой бухте гниют
Корабли нашей горькой истории...
До сих пор из орудий тех льют
Ордена королевы Виктории...

ФЛОТ

Увижу и онемею —
Галеры и скампавеи...
А где же такие у шведов,
Их парусные корабли?
Мы их у Аландских у шхеров,
У мыса Гангут одолели,
Окно прорубили в Европу,
Ботфортами твердо вошли.

Птенцы из гнездовий Петровых —
Потомки российских поморов
Освоили весело-лихо
И кливеры и брамсея...
Взметнулась на клотик Россия
Фор-марсовым юнгою споро,
Андреевским флагом-отвагой
Отмечена предков земля...

Отплавала честно Россия
От Белого и до Цусимы,
От ботика и до линкора...
Но к пирсу столетье спустя
Припали стальные подлодки —
Черны обнаженные спины,
И ветры у фалов без флагов
С унылой издевкой свистят...

1997 г.

МАТРОССКАЯ ЛЕНТОЧКА

— Тетенька Надя,
Матросскую ленточку выньте,
Дайте братишке
На праздник ее поносить.
Флотские песни
Поют в воскресенье мальчишки,
Всем в бескозырках
На сцене приказано быть.

— Что ты, родная?
О милом последняя память,
Запах волос его
Лента доньше хранит.
К ней прикасаюсь одна я
Сухими губами.
Мне в этой ленточке
Памятна каждая нить!

— Тетенька Надя,
Братишка матросскую ленту
Сразу вернет, как закончится
Праздничный хор.
Ей ничего не грозит,
А немножечко света
Не обесцветит
Ее позолоты узор.

И согласилась старушка.
С опаской, непросто,
Вынула ленту печальную —
Как хороша!
Вдруг увидела любимого
В бескозырке матросской,
Вскрикнула громко,
И к небу рванулась душа!

МОРЯК

О, ленточка матросская из черного муара,
Ты спутница надежная военных кораблей,
С тобою я стремительней тропического шквала,
С тобою броненосца я могучего смелей!

Одно твое присутствие уграивает силы, —
Привычно бескозырка жмет приподнятую бровь.
Ты позолотою своей притягиваешь милых,
Им намекают якоря на вечную любовь.

Форштевень надвое волну упрямо рассекает,
Рвет и отбрасывает вдаль кильватерной струёй,
И выются ленты на ветру, зюйдвестку обнимая,
Как будто ты в последний раз прощаешься со мной.

АДМИРАЛ

Александр Васильич —
не из гессенских принцев,
К угломеру с секстаном
от кадетства привык...

Поглядите:
уходит эскадра эсминцев,
Гюйс и флаг адмиральский
держит храбрый «Новик».

Честь российского флота
белоснежнее чайки:
«Иноземным державам
ни пол-пяди земли...»
Не у стенки причальной,
а в цепях Чрезвычайки
Гордым взглядом окиньте
вы свои корабли...

«Комендоры — к орудьям,
все на мостике ладно?»,
Экипажи эсминцев,
как большая семья...
Смело рвется в атаку
ваш пылающий флагман,
Семафоря отставшим:
«Делай, братцы, как я!..»

Но страну извели
думские разговоры —
От Емели и Стеньки —
в голове — без царя...
Вскрик из бездны:
«О, Боже, на мостике — воры...
Мы теряем Россию,
теряем, теря...»

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

* * *

С холмов стекла прохлада на залив,
Туманной дымкой к милому вернулась,
И в лунный незамеченный отлив
Как в одеяло, плавно завернулась.

И ею днем, в дождинки превратив,
Кропила щедро тучка молодая
Поля и виноградные кусты,
От повседневной ноши очищая.

Вот так и ты, гармонией дыша,
Проходишь и суха и деловита,
Но от моей улыбки, о душа,
Светлеешь, новой радости открыта.

ДЕНЬ ВМФ

Под праздничный гром батарей
По курсу кривых эхолота
Выходит эскадра на рейд
В день памяти Русского Флота.

Журчит по шпигатам вода,
И гюйс за кормой рукоплещет —
Уходит эскадра туда,
Где юное сердце трепещет.

В кильватер идут корабли —
Краса и романтика детства,
Скрываясь в туманной дали
У самого краешка сердца.

МОРЕ

Серые скалы — ран для влюбленных,
Белые чайки в бессменном дозоре,
Смотрит кустарник вечнозеленый
На вечносинее Черное море.

Тонкая роспись прибрежных утесов —
Плачет волна, разбиваясь о скалы,
И заплетаются в темные косы
Кудри задорно поющих русалок.

Искрами брызжут влюбленные очи,
В теплой воде растворяются души,
Берегу море извечно рокошет:
Любишь-послуш-шай,
Любишь-послуш-шай!

РАССТАВАНИЕ

В чаше бухты поперхнулись
От восторга корабли,
Волны гребнями кивнули
И на берег спать ушли.

Прокричала что-то чайка,
Прочертила даль крылом
И оставила печальным
Одиноким волнолом.

С Феодосией прощаюсь,
Бухту глажу по плечам,
Глади моря улыбаюсь
И лечу за чайкой сам...

СТЕРЕГУЩИЕ

Назван был «Стерегушим»...
И в Петровой столице
Он поставлен, а рядом —
Крепкий Троицкий мост:
Остывают матросы
Под забортной водицей —
Этот памятник веры
Незаметен и прост.

У несчастной России
Есть особые души —
Стерегущие — в белом
И тельняшки на них.
Громят ли на небе,
Полыхнет ли на суше,
И летят альбатросы
В ослепительный миг!

Воплощенные боги —
Молодые ребята,
Прилетают на помощь,
И пронзают волну..
Открывают кингстоны,
Закрывают реактор,
Утопая, спасают
Честь, народ и страну.

Пусть герои погибли —
Память светлую будет,
И на море водица
Солона и чиста:
Стережущая лодка,
Стережущие люди...
Их так мало осталось,
И опять нету ста...

23 августа 2000 г.

ТЕЛЬНЯШКА

Тельняшка сохнет на заборе,
Спокойно маленькое море,
Чиста полосок темных нить,
В любой прохладе не остыть.

Ее хозяйка постирала,
А раньше долго целовала,
Был запах мужнин в ней родной.
Предчувствовала — быть вдовой.

Безвольно пала голова,
На грудь — колышется едва...
Тельняшка сохнет на заборе,
И безутешно ее горе.



УСТОЙЧИВАЯ ЛЮБОВЬ



ЗАБОР

Приткнулась дача вдалеке
В кедровый бор и зной,
Сверкал забор доска к доске
Здоровой желтизной.

А под забором вразнобой
Не лютики цвели,
Березки скромные гурьбой
Сестричками росли.

Года проплыли не спеша,
И каждый солнцем грел,
Забор засох и обветшал,
И ликом посерел.

Скрипел под ветром и стонал,
И лил потоки слез,
И вот не выстоял, упал
На поросль берез.

Устойчива любовь сестер —
Не сгнил и не зачах...
Между стволов висит забор,
Как пьяный на плечах.

ОЖИДАНИЕ

Обернись, так ли ты и лицом хороша,
Как фигуры твоей крутобедрый кувшин?
И восторг предвкушает лихая душа,
Ты пожар у мятушейся не погаси,

Подари серебро своего голоска,
Чистотой древнегреческих черт очаруй,
И мгновеньем открытия стань мне близка,
И придвинься поближе,
и вновь околдуй.

ОБМАН

Заказала мне рассвет
Голубой да розовый
И коричневый берет
В тихий край березовый.

Заказала паруса
До фор-марса алые,
Да другие чудеса,
В мире небывалые.

Заказала мне слова,
Ласковые самые,
Заполняла бы листва
Переулки пьяные.

Ждал ответного огня,
Иль улыбки проблеска...
Убежала от меня,
Не дождалась отпуска...

ГЕОЛОГИНЯ

До корки выгрызла арбуз —
Так обезвожена пустыней.
Молчит колодец Джаман-туз —
На стенках соль висит, как иней...

Но на последнем рубеже
Стремишься выглядеть исправно:
Журнал разведочный уже
Заполнен описью канавной.

«Отбиты» выходы пластов,
Уточнены слои шурфами...
Сияет пламенный восток,
И весточка пришла от мамы...

И будет премия потом
«За доразведку Бурултаса»...
И сын от милого — Витольд...
Вот он толкнул — иди на трассу..

ГИТАРИСТКА

Научи меня петь по-английски,
По-испански играть на гитаре,
Итальянский усвоил я быстро:
«Белла донна, канцона дель маре...»

Где то море? В Сибири холодной
Мы с тобою разминемся близко:
Я пою о любви всепогодной,
Ты — о чем-то своем на английском...

Пальцы гибкие струны и сердце
Мне шекочут, как ласковый локон, —
Изумительно-быстрое скерцо
Барабанит по венам жестоко.

Я — стаккато любви, флажолетто,
Ветерок на волнующей глади...
И плывет ненаглядное лето
По распахнутой нотной тетради...

ПРОМЫСЕЛ

«Горшки обжигают боги...» —
Гончар заявил устало,
Но в печку задвинул бодро
С посудой сырой —
Поднос.

Зеленая мякоть глины
Керамикой крепкой стала,
Сиянье глазури темной
Придало посуде лоск...

Была хуторскою крестьянкой,
А стала прекрасной дамой,
Огнем моего дыханья,
Как амфора закалена.

Любуюсь тобою звонкой,
Но вот ведь какая драма:
Чем тверже характер милой,
Тем чаще грустит она.

ПАСХА

Скорлупки раскрасив багрово,
Молчи, Магдалина, молчи,
И жизнью воскресшею новой
Любуйся в безлунной ночи!

Пресветлые ангелы, плавно
Подняв Иисуса с креста,
Овеяли духа крылами
Жизнь божьего сына — Христа.

Воссевши Отца одесную,
Две тысячи терпит годов,
Ему представляя земную
И грешную жизнь городов.

Столы накрывай и налей им
Кагора! О, Боже, внемли
Заблудшим своим — разговоят
Щедротами русской земли!

Порадуют звонкостью песен
Округу до самых небес:
«Христос Иисусе воскрес!» —
Воистину, Боже, воскрес!

ИКОНА

Среди мусора, меж
Атрибутов земного разврата,
Я икону Владимирской
Матери божьей нашел:
Посмотрела в лицо
Богородица — истинно, свято
Сквозь синтетику чувств
И любви окрыляющей шелк.
И повесил в прихожей —
И мир озарила икона.
Я теперь на нее
Перед выходом «в люди» молюсь.

Утешает меня
Ее ласковый взгляд просветленный —
Из далеких веков
Прямо в душу летящая грусть.
Ежедневно прошу:
«Упаси от несчастий и скверны,
Дай усталому сил,
А заблудшему — верную нить.
От врага упаси,
Как отчизну
От полчищ неверных,
Ибо наг, яко благ,
А детей еще надо растить!»

ДУЭЛЬ

— Помочь, Александр?
— Не надо, я встану,
Я левой рукою
Зажму свою рану
И снега глотну,
Он, холодный и чистый,
Остудит мой пыл,
И — решающий выстрел!
У, тяжек Лепаж —
Не заздравная чаша,
А чести опора последняя наша!
Ура!
Я попал!
Неприятель скончался!
Цыганка!
Эх, надо же так обознаться!
Скорее домой
Шестикрылой каретой!
Наталье — ни слова
С конфузией этой!
Свечу — на алтарь
В честь победы моей:
Мне завтра
С Дантесом —
Другая дуэль!

* * *

Закрываю глаза —
Ветер волосы мне ворошит,
И прохладна слеза —
Это дождик слепой моросит.

И коса на плече —
Тяжела нерушимая прядь,
Не хватает ночей —
Расплетать ее
И целовать.



ЗАБЛУДИЛАСЬ МОЯ БУРОВАЯ...



СИБИРСКИЙ ОТСЧЕТ

Секстина

Белые ночи и лето в Сургуте,
Город над Обью вполглаза уснул,
Месяц игриво с качалками шутит —
Неугомонен любви караул,
Двигается время в бессонном маршруте —
Волны колеблются — радостный гул.

Слышен под утро стартующий гул
Аэропланов, сидевших в Сургуте,
И беспокойны в далеком маршруте
Фата-морганы у тех, кто уснул.
Нужен летящим пустой караул? —
Ангел-хранитель в полете не шутит.

Дождиком небо сибирское шутит,
Солнце сияет и слышится гул.
Яркие зонтики — «На караул!» —
Дамы шагают по лужам в Сургуте,
И оператор усталый уснул
В синей «Каросе» — вахтовом маршруте.

Песню геолог в таежном маршруте
Громко поет и с коллектором шутит,
Юный помбур на полянке уснул —
Храп богатырский, как поезда гул.
Ждут вертолета — с начальством в маршруте —
Роты почетной стоит караул.

Вечный огонь, у огня караул —
Молодожены в почетном маршруте —
Свадьбы играют, как прежде, в Сургуте,
И тамада ненатужливо шутит...
Как я люблю этот свадебный гул,
Но один раз, опьяневши, уснул.

Вот уже вечер, и снова уснул
Ветер — веселый Югры караул,
Смолк магазинов услужливый гул,
Солнце ушло в благодатном маршруте,
Мастер добычи с топографом шутит —
Белые ночи и лето в Сургуте.

* * *

Рондель

Стоит, отсыпку попирая,
Принцесса Грёза на болоте.
Песок намок, но чист и плотен,
Подсох на солнце, и сверкает.

Прожекторами освещая
Весь мир в лягушачьей заботе,
Стоит, отсыпку попирая,
Принцесса Грёза на болоте.

Утяжеленная, сияет —
Отполирована в работе,
Колонна труб. Антей стреляет —
Стрела изловлена в полете,
Стоит, отсыпку попирая,
Принцесса Грёза на болоте.

КОЛЫБЕЛЬНЫЙ СОНЕТ

Плоти комочек живой, айналайн,
Выпростал ручки, скорей вырастай!
Ждут аргамаки — уздечки звенят,
О, мой батыр, ты догонишь меня?

Месяц осветит дорогу твою,
Звонкий булат защитит от беды...
Мирно цветут в Семиречье сады,
Спи, мой единственный, баю-баю.

Солнце на счастье к жилетке пришью,
Пусть осушает дорогу твою.
Спи, набирай себе жизненных сил...

Счастья слезой одиноко взгрустну -
Завтра поедем с тобой в Астану..
Спи, небесами подаренный сын!

СТАРИЙ БУРОВИК

Разболелись и ноги и зубы —
Отходили свое, отстучали...
И ночами бурильные трубы
Поколонно блистают свечами.

И звенят, утыкаясь в подсвечник,
И змеятся от устья до блока,
Их торжественный гул подвенечный
Прерывает раздумья до срока...

Элеватор осипшим затвором —
Хлоп да хлоп, как бессонная дверца,
А вздыхающий шум Конитлора
Подгоняет уставшее сердце...

Догорает закат.

Он, как ты, кучерявый и рыжий,

Среди белых подушек больших пуховых облаков,

И глаза синевы все темнее от ночи, я вижу:

Зацепился за мачту мерцающий праздничный ковш.

Ты по Мелик-Карамова к речке пройди, отдыхая,

И на храм посмотри, его маковки так горячи...

Меж югорских болот колобродит моя буровая,

Ты ее по зарубкам на сердце своем отыщи...

ЗАБЛУДИВШАЯСЯ БУРОВАЯ

Их геолог Салманов
 здесь из упрямства привел,
Деньги сметы
 отпущены были совсем на другое,
И станок буровой
 на плоту по Оби гулевой
Долго плыл беззаботно,
 по высшему счету, изгоем.

А в реке и муксун,
 и налим,
 и язи,
Остроносая стерлядь,
 и быстрые хищники-щуки,
И никто им сумой и тюрьмой
 свысока не грозил —
Всем хотелось проверить
 прогнозы дотошной науки.

У Березова — «стоп»,
 и на берег вручную станок
Заташили,
 и вышку неспешно собрали.
И опять не туда,
 где на карте торчал «куполок»,
Долото буровое
 по чреву земному погнали.

Цепь случайностей русских,
а звенья «авось» да «небось»,
(И на Бога надеявшись,
сами-то не оплошали),
Вдруг замкнулась фонтаном,
вонзившимся в небо, как гвоздь,
И как перст,
утоливший сухие земные печали.

И узнала страна
про Урай, Саянск и Надым,
Про Сургут и Тюмень,
позалитые золотом черным,
И Баку задрожал,
будто небо разверзлось над ним,
Конкурентом своим,
появившимся вдруг, удрученный.

Потекли по партийным
и прочим нечистым рукам
Ручейки и арыки,
и реки земного богатства,
Оставляя гроши
геофизикам, буровикам,
И основу распада
являя собой государства.

А фонтаны иссякли,
насосы в работу пошли,
И в швейцарские вены
от русских сердец убывая,
Все пульсирует в трубах
кровинушка нашей Земли,
И стоит над страной
заблудившаяся буровая.



НАСЛЕДЬЕ ДЕДА МОЕГО...



КОЛОКОЛА ХАТЫНИ

В черной форме эСэС,
Гогоча, вурдалаки
С двух сторон запалили
Зловещим костром
Ту лесную,
Покорную страшной атаке
Деревеньку в двенадцать
Крестьянских дворов...

И взметнулся пожар...
И душа не остынет —
Отовсюду кривлянье
Соломенных стрех...
И полвека спустя

Дозвенел из Хатыни
До германского Бонна
Пожарища смех.

Там девчушка в кафе
Алой птицей летает,
Горделива, красива —
Славянская кровь...
И в глазах неумным
Огнем полыхает
Та деревня в двенадцать
Крестьянских дворов...

ТРИУМФ И ПОБЕДА

Была пара соловых в большой генеральской конюшне:
Жеребец — необуздан, кобылка — умна, будто мул,
И парады в Москве вывозила Победа послушно,
А Триумф при дворе свою скромную лямку тянул.

Но победный парад наш Верховный решился вдруг лично
На соловом Триумфе пред всею страной принимать,
И своим знатокам, а особо гостям заграничным,
То, что он Триумфатор еще ко всему, показать.

Семь недель жеребца под седлом по манежу гоняли,
Избивая кнутом за строптивость и бешенный зрак,
А потом доложили, что с этой упрямою швалью
Спецотряд МГБ не управится к сроку никак.

Жеребца застрелили, но выше отрапортовали,
Что послушен и смирен, и верен парадный скакун,
И кобылку, почистив, красивою сбруей убрали,
И — к подъезду парадному возле высоких трибун.

Вышел Вождь и Учитель весь в белом — сияют погоны,
Подошел к «жеребцу», и по холке его потрепал.
Сапогом — в стремяна, и на спину лакею другому,
Сел в седло. И... на грешную землю упал.

Это, став на дыбы, задрожала свечой кобылица —
Видно, кровью невинных до нитки пропитан Отец...
А парад принимал, как и это должно бы случиться,
Маршал Жуков. Триумф был его жеребец.

ПРЯЖКА

Солдатская пряжка —
Латунная бляшка,
Огнем не сгорела, воде не далась...
В бору затененном
Поблекла медяшка,
Но свистнула пуля —
Жизнь оборвалась.

Брезентовый пояс —
Не жизненный полис —
Истлел. Гимнастерки
Не вечно хэбэ.
Бордова латунь —
Потемнела от крови,
Прижата ко ржавой трубе.

Политая кровью попавших в засаду,
Земля не спасла их
На бранном пиру, —
Вторая ударная
Рвала блокаду,
И пали герои
В Мясном том Бору.

Нестарая женщина охнула тяжело:

«О, только бы род наш

Не сгиб на корню!...»

И внуку от деда досталась пряжка...

Реликвию эту, как око, храню.

СТАТИСТКА

Дочке было шестнадцать,
Пригласили сниматься в массовке, —
Был сюжет о Маншук —
Пулеметчице и комсомолке.
Дали юной винтовку, шинель,
И пилотку и юбку...
По сюжету они «отступали»
В тяжелом июне.
Ногу стерла портянкой,
А скаткою — спину...
«Мне статисток не жалко» —
И помреж ниже кепку надвинул:
«А дублерша — одна,
У Маншук, да и то лишь
На маршевых съемках...»
«До чего тяжела
Трехлинейная наша винтовка...
А девчонки носили ее и стреляли...» —
Это дочка сказала, добавив:
«Героями стали...»

СОЛДАТЫ

Они не вернулись с войны
Афганской, чеченской, боснийской...
Они не вернулись с войны,
Но рядом с родными живут:
Работают, ходят в кино,
И каждую ночь им снится
Война: мертвецы и душманы,
Душманы в атаку идут...

И что-то кричит командир,
А в комнате тихо, не слышно...
И заревом черных пожарищ
Объята планета Земля...
Друг детства убитым упал,
И кровь пузырится, как вишни,
«Тюльпан» испускает помехи —
Исчезли навеки друзья...

Они не вернулись с войны —
Сказала мне врач в медсанбате, —
Они не вернулись с войны...
Орет у пивных мужичье.
И нет в том солдатской вины —
Они искупают проклятья,
А Божие их наказание —
Возврат в пробужденье свое.

1997г.

ИСТОКИ РАЗБОЯ

Иса и Муса — два чеченских мальчонки
Подрасться со мною залезли в мой сад,
А я — их ровесник — с орех кулачонки:
«А ну-ка, ребята, мотайте назад!»

Они ухмыльнулись. «Еще чего...» Двое!
Отец их за ними... А мой — далеко...
Но вот уже младший, свалившийся, воеет —
И старшему тоже пришлось нелегко...

Штаны о забор, ведь калитка закрыта —
Порвали в испуге, и капала кровь.
Иса и Муса — два подростка-бандита,
Не знавшие тихих и ласковых слов.

Мы кровники стали в законном их смысле,
Но мести финал чересчур был жесток:
В аул дагестанский, где тропы раскисли —
Два трупа армейский тягач приволок...

1999 г.

КОРТИК

Его мужскую красоту
Ни омрачить, ни опровергнуть...
Эфесом бился по щиту,
Чтоб поддержать или отвергнуть.

Блестел клинком — победный миг..
Зачем красавцу полумеры,
Когда он истину постиг? —
Его несли легионеры
Пехотных римлянских когорт —
Преторианцы боевые...
Вы посмотрите,
Как он горд:

Сияют обоюдозлые
Две грани лезвия его —

Наследье деда моего...

ЗАПАХИ ДЕТСТВА

Каждый из нас получает в наследство
Добрые теплые запахи детства.
Ветер откуда-то их принесет —
Сердце прерывисто бьется и мрет.

Пахнет деревнею в банке сметана,
Чай — самоваром, и речкою — ванна,
Пахнет грозой после стирки белье,
Дедушкой старое пахнет ружье.

Девочка шкафчик откроет и ахнет:
«Мамою ветхое платьице пахнет...»,
Мальчик на полочке леску найдет,
И об отце потихоньку взгрустнет.

Как бы хотелось назад возвратиться
В детство, где можно скакать и кружиться,
С мамой над увальнем-папой шутить,
С папой смеяться и рыбу ловить.

Годы промчались густой вереницей,
Запахов детства листаю страницы.
Жаль, что нельзя их открыть навсегда —
Склеила крепко былая беда.

НОЖИК

Мамин стальной,
С деревянной ручкой,
Средь мельхиоровых ложек лежит.
Значит, приехала —
Выдался случай!
Как заблестали другие ножи!
Старый,
Источенный весь абразивом,
Словно шагрени сжимается лист —
Маминой жизни хранитель ворчливый...
Нет, не точи его, жизнь!



ИЗ ЦИКЛА «ДИКАЯ ВИШНЯ»



ВТОРАЯ ШКОЛА

Вторая школа — первая любовь...
Я, восхищенный, постою на перемене,
И мне весна любимой не заменит,
И не разгонит стынущую кровь,
Лишь только ты — последняя любовь...

Вторая школа — боль сердечных ран...
Вторых и третьих, кто пересчитает?
Вот кто-то вслух уверенно читает:

«Не надо нам заморских дальних стран...»
А я любимой вижу стройный стан...

Вторая школа — первая любовь...
Чему еще учить в начальной школе?
Как привыкать к прекрасной этой боли?
И раны бередить, влюбляясь вновь? —
Вторая школа — первая любовь.

Вторая школа — первая любовь...
Перелистав судьбы своей страницы,
Спешу опять к любимой возвратиться
С охапкою нетающих цветов,
Воспеть ее, и школу, и любовь...

АЛЬТИСТ

Эстрада, танцплощадка и Она
Поет негромко, с хрипотцой, волнуясь,
О том, что в оркестранта влюблена,
В питомца павлодарских тесных улиц.

Мне кажется, что это про меня,
Труба ей подпевает под сурдинку,
Литавры возбужденные звенят
И горячо приветствуют блондинку.

Я — первый альт, простой «иста-та-та»,
Мне до нее, как до небес из ямы...
Но почему-то ранняя звезда
Глаза слепит сиянием упрямым.

СКАЗКА

Отечество и отчество,
Листвы зеленой шелест,
И гулкий топот табуна,
Далекого в ночи,
И те слова, что наклонясь,
Любимая прошепчет,
В них безграничная тоска,
Как песня отзвучит...

И неизбывность этих слов,
И губ волшебных ласка,
И сеть в реке ее волос,
Объятий нежный плен —
Во мне отечество сбылось,
Как пушкинская сказка,
И нет прекраснее ее,
И нет иной взамен!

ДИКАЯ ВИШНЯ

Перезрелой скатись,
Жаждет блюдо тебя расписное,
Продолжается жизнь
Запоздалой холодной весною.

На задумчивый лес
Поглядев с высоты кареоко,
Не оставь меня без
Этой страсти кроваво жестокой.

Вихри листья смели
На деревьях осенним наскоком,
Будто губы твои
Светят вишни на ветке высокой.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Я думал — это сон:
Козлобородым фавном
Я рыскаю у скал, а нимфы — от меня,
Стащив мою свирель
И окликаая Паном,
Призывно в бубенцы и лютнями звеня.

Но вот одна, блеснув оливково очами,
Занозу из ноги старается извлечь,
А я уж тут как тут, мохнатыми руками
Хватаю белизну разгоряченных плеч.

Несу ее в кусты, со чресел рву тунику...

Проснулся и лежу, отчаялись цикады,
И суслик из кустов испуганный свистит...
А нимфа, осветив неутоленным взглядом
Раздетого меня, занозу теревит...

СУРГУТСКАЯ КАЗАЧЬЯ

Рукой уверенной поправлю я подругу,
Мне портупея с острой шашкой по плечу,
Да поцелую свою верную подругу,
Аллюром быстрым к атаману поскачу...

Лампасы алые, как ленты в хороводе,
И дети малые на конников глядят:
Одета строго по простой казачьей моде,
Гарцует сотня, искры светлые летят...

Стальны подковы отбивают марш казачий,
Труба походная сыграла на заре...
Вернемся скоро. Вы, подруженьки, не плачьте,
Лишь только свистнет рак на Барсовой горе.



Содержание

ЦЕПЬ

ОТКРЫТИЕ	3
«Унесут облака бесконечные ливни...»	4
ТЮМЕНЬ	5
РЕЧКИ	6
ВСТРЕЧА	7
«От Сургута до Ханты-Мансийска...»	8
ЦЕПЬ	9
ТАЛЛИНН	10
КРЫМСКАЯ ВОЙНА	11
ФЛОТ	12
МАТРОССКАЯ ЛЕНТОЧКА	13
МОРЯК	15
АДМИРАЛ	16
«С холмов стекла прохлада...»	18
ДЕНЬ ВМФ	19
МОРЕ	20
РАССТАВАНИЕ	21
СТЕРЕГУЩИЕ	22
ТЕЛЬНЯШКА	24
УСТОЙЧИВАЯ ЛЮБОВЬ	
ЗАБОР	25
ОЖИДАНИЕ	26
ОБМАН	27
ГЕОЛОГИНЯ	28
ГИТАРИСТКА	29
ШКОЛЬНЫЙ ПОЛОНЕЗ	30
ПРОМЫСЕЛ	31

ПАСХА	32
ИКОНА	33
ДУЭЛЬ	34
«Закрываю глаза...»	35

ЗАБЛУДИЛАСЬ МОЯ БУРОВАЯ...

СИБИРСКИЙ ОТСЧЕТ	36
«Стоит, отсыпку попирая...»	38
КОЛЫБЕЛЬНЫЙ СОНЕТ	39
СТАРЫЙ БУРОВИК	40
«Догорает закат...»	41
ЗАБЛУДИВШАЯСЯ БУРОВАЯ	42

НАСЛЕДЬЕ ДЕДА МОЕГО...

КОЛОКОЛА ХАТЫНИ	45
ТРИУМФ И ПОБЕДА	46
ПРЯЖКА	47
СТАТИСТКА	49
СОЛДАТЫ	50
ИСТОКИ РАЗБОЯ	51
КОРТИК	52
ЗАПАХИ ДЕТСТВА	53
НОЖИК	54

ИЗ ЦИКЛА «ДИКАЯ ВИШНЯ»

ВТОРАЯ ШКОЛА	55
АЛЬТИСТ	56
СКАЗКА	57
ДИКАЯ ВИШНЯ	58
ПРОБУЖДЕНИЕ	59
СУРГУТСКАЯ КАЗАЧЬЯ	60

ЕШИМОВ
Георгий Карожанович

ДИКАЯ ВИШНЯ

Стихи

Редактор С. Сметанин
Корректор В. Ананина
Тех. редактор В. Сураев

Сдано в набор 7 сентября 2000 г.
Подписано в печать 20 сентября 2000 г.
Формат 70x100 1/32. Объем 2,6 п.л.
Бумага офсетная. Тираж 400 экз.

Издатель — Независимое литературное агентство
(«Московский Парнас») (121069, Москва, Большая Ни-
китская ул., дом 50/5, стр. 1, оф. 34, справки: 202-83-87)

Лицензия ЛР №066208 от 15 декабря 1998 г.



7 1302004
Окружная библиотека

